

люди искусства

ОТ «ТАЧАНКИ» ДО «ЗЕМЛЯНКИ»

А. ЛУКОВНИКОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР

— За свою долгую жизнь мне не раз приходилось знакомиться с новыми песнями, но далеко не всегда эти знакомства оставляли след в памяти. — рассказывает народный артист СССР, композитор Анатолий Григорьевич Новиков. — А вот этот случай запомнился на всю жизнь. В тридцатые годы я работал инструктором по музыке Центрального дома Красной Армии. В мои обязанности в числе других входило прослушивание новых произведений и рекомендация их для исполнения армейским ансамблем. И вот как-то ко мне пришел композитор, которого до этого я не знал. Он просил посмотреть написанную от руки его новую песню. С первых же тактов я был очарован ее свежестью, стремительным ритмом, каким-то в хорошем смысле слова захватывающим кавалерийским духом, задорной веселостью. Я слушал песню, и передо мной возникал образ легендарной тачанки...

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клудится,
Кони мчатся впереди!

Да, это была знаменитая ныне «Тачанка», а ее автор — Константин Листов. С легкой руки Новикова «Тачанка» попала к Александру Васильевичу Александрову, художественному руководителю Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии.

— Александр Васильевич послушал, одобрил и оставил у себя ноты, — вспоминает сам композитор. — Я был на седьмом небе, хотя ничего конкретно он мне не обещал. И вдруг донесся до меня слух: в ближайшем концерте ансамбль Александрова будет петь мою «Тачанку»! Помчался в Большой зал Консерватории просить пропуск. Меня удивленно мерили глазами: кто ты, собственно, такой? Попытался объяснить, что я автор песни. Но, как ни умолял, пропуск не вымолил. Бегом вернулся домой, настроил детекторный приемник. В приемнике страшно хрипело, но я сумел все же разобрать, что «Тачанку» действительно пели и даже повторяли на «бис».

Концерт этот состоялся 18 декабря 1937 года. И с того дня «Тачанка» неустремимо понеслась по стране. У песни оказалась легкая, счастливая судьба.

Интересно отметить, что песня перешагнула границы жанра. На ее музыку были созданы хореографические миниатюры в Большом театре, в Государственном ансамбле народного танца СССР, в представлении Московского балета на льду. Нашла она свое отражение и в монументальном искусстве. Да и как не вспомнить о ней, когда смотришь на замечательный памятник в степи под Каховкой, воздвигнутый на высоте, где в октябре 1920 года находился командный пункт К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного. Отлитая в бронзе тачанка мчится вперед, и, кажется, содрогается земля от топота копыт четверки бронзовых коней...

Константин Яковлевич рассказывает, что песню он написал удивительно быстро.

— Как будто кто-то подсказал мне каждую фразу, каждое движение ее мелодии.

Да это и понятно. Стихотворение Миханя Рудермана, опубликованное в «Правде», было для композитора не просто поэтическими строками, а волнующими воспоминаниями о годах гражданской войны. В ту пору Константин

Листов воевал добровольцем в ударно-пулеметном кавалерийском полку, в боях под Царицыном его контузило. И несущаяся боевая тачанка, и клубящееся облако пыли, и молодой пулеметчик — все это он знал не понаслышке, а видел, пережил.

К этому периоду относятся и первые музыкальные опыты Листова. Он сочиняет на свои слова строевую песню «Да здравствуют Советы!». Заметив тягу восемнадцатилетнего бойца к музыке, Революционный 10-й армии направляет его учиться в Саратовскую консерваторию, которую он заканчивает в 1922 году по двум специальностям: по классу фортепиано и композиции.

Через несколько лет молодой музыкант переезжает в Москву и начинает работать как пианист и дирижер в «Синей блузе», театрах обзрения и музыкальной комедии, пишет музыку к спектаклям.

И вот вслед за «Тачанкой» появилась «Махорочка» и «Богатырка» (на стихи М. Рудермана), «Думка» и «Соленая вода» (на стихи С. Алымова), «Весточка» (на стихи А. Суркова), «Гренада» (на стихи М. Светлова).

Наибольший расцвет творчества Листова относится ко времени Великой Отечественной войны.

— Советские композиторы вместе со всем народом становились в строй бойцов. Фронт требовал новых песен, и мы создавали их. Помню, однажды во время налета немецкой авиации поэт Павел Шубин продиктовал мне по телефону текст новой песни, к которой нужно было написать музыку. Я тотчас сел за работу. Под непрестанную трескотню зениток, сопровождающуюся глухими разрывами авиабомб, я написал одну из своих первых военных песен: «Ой, шуми ты, куст ракитовый».

С осени 1941 года Листов — музыкальный консультант политуправления Военно-Морского Флота. С большим волнением и теплотой вспоминает о том периоде в жизни своего товарища и коллеги Борис Михайлович Терентьев:

— Как сейчас, вижу появление Листова у нас на Северном флоте. Вместе с Василием Лебедевым-Кумачом он помогал флотской художественной самодеятельности, участвовал в концертах — непосредственно на боевых кораблях и в береговых частях, на самых отдаленных и опасных участках фронта. Поэт читал стихи, а Листов пел, аккомпанируя себе на небольшом аккордеоне, которым он мастерски владел.

Композитор за время войны постоянно выезжает на все флоты: помимо упомянутого Северного, он воевал «своим оружием» на Балтийском, Черноморском, Тихоокеанском флоте, на Дунайской флотилии. И как результат его поездок — песни. За время войны только о Военно-Морском Флоте им было написано около двухсот. В начале 1942 года по дороге с одного флота на другой композитор на несколько дней заехал в Москву.

— В поисках «песенного материала» я как-то зашел в типографию «Гудка», где в то время размещалась редакция фронтовой газеты «Красноармейская правда», — вспоминает Листов. — и встретил там Алексея Суркова. В ответ на мою просьбу он сказал: «Костюша! Я тут написал один стишок — письмо

жене, она в эвакуации. Говорят, в нем есть что-то певческое. Прочти, может, что получится...»

Через неделю Листов снова пришел в редакцию и спел только что сочиненную мелодию.

— Сотрудник газеты, известный ныне писатель Евгений Воробьев, попросил ее оставить. Нотной бумагой у меня не было, я взял обыкновенный лист бумаги, начертил на нем пять линейек, записал мелодию и ушел.

Композитор не очень был уверен в том, что песня получится. Время тогда было нелегкое. Казалось, в те дни нужна музыка призывная, героическая, а он написал лирическую, немного грустную. Хорошо ли это?..

Опасения оказались напрасными. Песня «В землянке» «пошла». Неожиданно для авторов она появилась на страницах «Комсомольской правды»: оказывается, Е. Воробьев отдал в редакцию «Комсомолки», где он работал до войны, стихотворение и разлинованный листок с нотными строчками. «Землянка» сразу же приобрела широкую известность, молниеносно облетела все фронты, всю страну.

Да, песня эта лирическая, чуть-чуть грустная. Однако не уныние вызывала она у бойцов, не тоску. Нет, она звала в бой, воодушевляла на подвиг, звучала, как вызов врагу, как презрение к смерти.

В истории Великой Отечественной войны достойное место занимает подвиг отряда десантников легендарной 18-й армии под командованием Героя Советского Союза Цезаря Куникова. Под жестоким огнем немецких минометов, бросившись в ледяную февральскую воду, они штурмом овладели неприступным скалистым мысом под Новороссийском. Несколько месяцев героидесантники стояли насмерть на этом клочке родной земли, получившей название Малая земля, и после кровопролитных боев одними из первых ворвались в Новороссийск.

Листову привелось попасть в город сразу же после его освобождения. Здесь ему рассказали, что «В землянке» была любимой песней куниковцев и их командира, погибшего в этих боях.

...Победоносно закончилась Отечественная война. Песня в творчестве многих композиторов меняет военную шинель на гражданскую одежду. Ушел в запас и офицер Константин Яковлевич Листов, оставшись верным своей любимой теме — армейской и в особенности флотской. Ведь недаром военные моряки считают Листова своим композитором. Его лучшие сочинения послевоенных лет — о флоте. Особенно большую популярность приобрел «Севастопольский вальс» (на стихи Г. Рублева).

— Мне хотелось писать о Севастополе наших дней, востаншем, как птица Феникс, из пепла, светлом, чистом и бесконечно близком всем советским людям. Когда я писал эту песню, мне представлялся вечерний город, освещенный лучами заходящего солнца. На Приморском бульваре гуляют матросы. Слышится шутки, смех, молодежь танцует вальс... Именно вальс, а не какой-нибудь другой танец, казалось мне, должны танцевать молодые моряки-севастопольцы.

Песня была написана, и авторы показали ее на радио. «Хорошо бы, чтобы ее спел Георг Отс», — сказали там. В те годы Отс был одним из лучших исполнителей советских песен. Листов вместе со звукозаписывающей бригадой Московского радио направился в Таллин и записал ее там.

В дальнейшем «Севастопольский вальс» исполняли многие вокалисты, он стал очень известным. Однако на этом история этой песни не заканчивается: с ней произошла удивительная вещь — песне стало как бы тесно в тех рамках, в которые она заключена. Композитор развернул ее в произведение крупной формы, и она легла в основу музыкальной комедии, стала основной темой музыкальной комедии «Севастопольский вальс» (либретто Е. Гальперин и Ю. Анненкова). Ее осуществили на своих сценах все театры оперетты нашей страны, причем в Ленинграде она сыграна свыше 500 раз.

«Севастопольский вальс» не единственный музыкальный спектакль композитора; «Олеся» и «Дочь Кубы», оперетты «Мечтатели», «Айра», «Поют стalingрадцы», «Сердце балтийца» также принадлежат перу.

Константин Яковлевич выступает и в других жанрах, создавая симфонию, инструментальные концерты, вокально-симфоническую поэму «Гренада». И все же неизменная любовь композитора — песня.

Народному артисту РСФСР Константину Яковлевичу Листову исполнилось недавно восемьдесят лет. И без всякого преувеличения можно сказать: композитор по-прежнему в строю.

«Так держат!» — пофлотски желают! — Константин Яковлевич Листову многие любители его таланта.

● Народный артист РСФСР Константин Листов.

Фото С. Хенкина.